

26 А.П. 1980

№ 96 (3944).

ВЕЧЕРНЯЯ АЛМА-АТА

К 70-летию Касыма Аманжолова

ПЕСНИ БЕССМЕРТНЫ

Теперь на фасаде этого дома вечное мемориальное свидетельство: «Здесь жил Касым Аманжолов». На открытии мемориала я видел только эти слова — «здесь жил...». И повторял их про себя, слушая взволнованное слово Абдилды Тажикбаева о своем покойном друге. Рядом стояли, как в почетном карауле, поэты Хамид Ергалнев, Леонид Кривошеков, Гафу Каирбеков. Не знаю, не спрашивал, что они испытывали в этот момент. Я же никак не мог выкинуть в смысл двух слов в прошедшем времени. Перечитывая их по буквам, я думал: а разве он не продолжает жить, разве мы не чувствуем постоянного его присутствия с нами?

Вспомнились строки безудержно темпераментных поэм и напевных стихов Касыма. Напевных и поразительно молодых по своей внутренней эмоциональной энергии. В моем воображении он оставался жи-

вым, как будто между нами не пролегло двадцать пять лет разлуки. Тогда, четверть века назад, я был моложе его, теперь старше. С какой-то упрямой пристальностью, от желания постичь его мятежную натуру всматриваясь я в живые — мертвых мы не знаем — черты красивого лица, всегда изжелта-бледного, бесконечно уставшего, но неизменно приветливого. Широкий лоб и глаза, излучающие яркий свет доброты. Большие, темно-карие. Или же, случалось нередко и так, пылавшие неукротимой яростью, жестко напряженные в прицельном прищуре.

«Доброта слишком нежна для того, чтобы позволять ее обижать. За нее драться нужно». Это не просто слова Касыма — это программа, существо всей его стремительно пронесшейся жизни.

Его называли странным. Почему? Не отвечаю. Он был духовно богат и потому очень чу-

ток. К настроению человека, порой едва знакомого Касыму. Его же знали все, кто так или иначе интересовался литературой. Он дружил с большими поэтами. Просто по душе и творчески. Самед Вургун любил его и называл запевалой в строю казахской поэзии. Николай Тихонов отмечал его необычную «взрывную натуру», глубоко и точно отраженную в стихах поэта. Он сам говорил: «Из своей жизни сделаю стихи». Это в пору, когда Касым работал над переводом лермонтовского «Маскарада». В это время он был всецело погружен в стихию арбенниских страстей. Он мучался за судьбу Нины. «Любовь неприкосновенна!» — с жаром утверждал он, как будто кто-то вставал против его веры в это. Нет, он не был странным. Он был вдохновенным. Может, даже в реальном мироощущении ему казалось, что люди — это орлы, которым он всегда светло и открыто завидовал, по-детски огор-

чаясь, что ему не дано летать. Тогда бы он с высоты «Утеса» осмотрел «Утренние снега» своей мечты. Касым преклонялся перед высотой, светом, пронизанным лучами солнца и звездного сияния. Язычник? Ничуть. Он был жрецом одной богини — Поэзии. Только ей одной служил поэт со всепоглощающей самозабвенностью.

В скорби Касым обращался к голосу великого Кобзара — Тараса. Его переводы Шевченко считаются лучшими в казахской литературе. Он умел постигать, более того, переселяться в душу своих героев. Ему казалось чрезвычайно важным идти их путем. Воображение, считал Касым, — духовный хлеб поэта. Разве такое можно назвать странностью?

К. Аманжолов сердцем вслушивался в могучие ритмы поэм Владимира Маяковского. Это строгая поступь времени, говорил он: «Железная поступь революции». Вместе с тем с особой нежностью, ему хотелось постичь «народную

речь», мудрость стихов Александра Твардовского.

Их влияние на становление его таланта несомненно. Касым был неутомим в восприятии всего, что обогащало мир его поэтических представлений. И тут он по-своему пример, а где-то и учитель для нашей творческой молодежи.

Круг его литературных интересов отличался необыкновенной широтой. Поэт доносит казахскому читателю письмо Белинского Гоголю. Здесь он скорее мыслитель или, по его выражению, «границы» слова, излучающего мысль, направленную на спасение истинных художественных ценностей от мнимых.

Теперь могу признаться, что, может быть, потому его, если не побаивались, то старались опасаться те, кто без особого труда хотел ретиво въехать в сады поэзии, с тем, чтобы упиться их благоуханием.

Поэзия — строго рабочее место, где и гарью надыхаться, и кровью

умываться приходится. Нет, он не был странным, так же, как презирал разного рода «парнасские чуждечества». Все созданное им — лучшее тому подтверждение.

Единственное, что ненавидел Касым лютой ненавистью, так это войну. «Мне жутко от этого слова, — признавался он уже больным. — За ним память о друзьях. И совесть: ведь я тоже мог остаться с ними. Но вот живу, а их нет».

Трагедий нет страшной — В огонь лавинный Солдаты из траншей Не сказ былинный, А лебедей в упор Дуплетом из засады. Мне жутко до сих пор От этой канонады.

(Перевод В. Бернадского).

«Здесь жил...» — мемориальное, уважительное свидетельство. Буквы слагаются в слова, слова становятся фразами. За вступлением к фразе «здесь жил» — бесконечное продолжение жизни, за которую Касым воевал на фронте с оружием солдата и которую он славил своей громкой, от сердца идущей песней. А песни, хорошие песни, принятые душой народа, — бессмертны.

Сырбай МАУЛЕНОВ.